

Министерство науки и высшего образования РФ
Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
ФГБУН Федерального исследовательского центра
«Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»

На правах рукописи

Сурнина Лидия Егоровна

**СУБЪЕКТНЫЕ ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ
В КРЕСТЬЯНСКОМ ЦИКЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ И.А. КУРАТОВА**

Специальность 10.01.02. – Литература народов Российской Федерации
(финно-угорская)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Сыктывкар

2019

Работа выполнена в секторе литературоведения Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук ФГБУН Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»

Научный руководитель: кандидат педагогических наук
Лимерова Валентина Александровна

Официальные оппоненты: **Арзамазов Алексей Андреевич**, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН
Созина Елена Константиновна, доктор филологических наук, зав.сектором истории литературы Института истории и археологии Уральского отделения РАН

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина»

Защита диссертации состоится «»_____2019 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 002.209.04 на базе ФГБУН «Институт Мировой литературы имени А.М. Горького» Российской академии наук по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и сайте Института Мировой литературы имени А.М. Горького РАН

Автореферат разослан «__»_____2019г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Говенько Татьяна Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Иван Алексеевич Куратов (1839–1875) – основоположник коми литературы и литературного языка, поэт, просветитель, ученый-лингвист, переводчик. Сегодня можно считать общепризнанным мнение об особом феномене лирики И. Куратова, которая явилась началом и одновременно эстетической вершиной коми литературы и вместе с этим выдающимся и уникальным явлением в культуре финно-угорских народов России. Творчество И. Куратова как знаковое явление фиксируется фактически во всех сравнительно-типологических исследованиях, посвященных проблемам возникновения письменных форм художественного слова у финно-угров. Так, известный исследователь удмуртской литературы В.М. Ванюшев видит роль И. Куратова не только в значительном ускорении развития коми письменности и литературы, но и в тех перспективах, которые творчество коми поэта открыло для других родственных народов: «С появлением Куратова происходит резкий скачок в литературно-художественном развитии народов и формируется приоритет их движения в сторону реалистического и многоаспектного отображения жизни» – пишет он¹. Позицию В.М. Ванюшева поддерживает и развивает П. Домокош в труде о формировании литератур уральских народов. Венгерский ученый выделяет в качестве отличительной черты коми поэзии ее «значительное прошлое» и связывает его с именем И. Куратова, чей талант остается «непревзойденным и имеющим мировое значение»².

Действительно, полная и объективная оценка наследия И.А. Куратова возможна лишь в контексте его пересечений с мировым литературным опытом и с учетом того, что поэт был для своего времени глубоко образованным человеком. Из Вологодской семинарии (закончил в 1861 г.) он вынес прочные знания греческого, латинского, немецкого и французского языков и был широко осведомлен в лингвистических вопросах. Много сил им было отдано сбору материалов для толкового словаря и написанию грамматики коми языка. И.А. Куратов интересовался мировой литературой, переводил на коми язык стихотворения западноевропейских и восточных поэтов, суры из Корана. Среди его рукописей сохранились заметки о русских классиках – Г. Державине, Н.

¹ Ванюшев, В. М. Общее и особенное в развитии литератур народов Урало-Поволжья в дооктябрьское время / В. М. Ванюшев // Дооктябрьские истоки межлитературной общности Урало-Поволжья : Сборник статей / Сост. и отв. ред. В. М. Ванюшев. – Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН СССР, 1991. – С. 51–58.

² Домокош, П. Формирование литератур малых, уральских народов / П. Домокош / Пер. с венг. яз. – Йошкар-Ола : Марийское кн. изд-во, 1993. – С. 165.

Карамзине, В. Жуковском, И. Крылове, А. Пушкине, М. Лермонтове; в его сочинениях философского и литературно-критического содержания есть много замечаний о характере античной культуры, об Анакреоне, Аристотеле, Гомере, Сократе, Эсхиле, и о других – итальянских, английских, немецких, шотландских и польских поэтах. Как справедливо отмечает В.Н. Демин, образ мира в поэзии И. Куратова формировался под влиянием достижений отечественной и мировой художественно-философской мысли, а своеобразной моделью духовного развития общества для него служила Европа, «давшая великие образцы общественной и личной свободы»³.

Другим не менее важным фактором формирования поэтического мира И. Куратова служили изменения, которые претерпевала русская литература в пореформенный период 1860-х гг. С середины XIX в. наблюдается активное становление реалистического направления, которое создается на фоне напряженной социально-политической обстановки: отмена крепостного права и последовавшие за ней реформы, возникновение революционного народничества. В этот период писатели ставят в своем творчестве новый для того времени вопрос – это вопрос об освобождении народа, жизнь которого исследуется как одна из общечеловеческих ценностей⁴. Одновременно происходит демократизация литературы, которая выражается как в обновлении социального состава писательских рядов, так и в расширении социальных границ изображаемого мира. Поставив в центр внимания собственные переживания поэта-разночинца, И. Куратов в своем творчестве созвучен отечественной литературе своего времени.

Вместе с тем поэзия И.А. Куратова красноречиво свидетельствует о тех поисках, которые вела в тот период коми разночинная интеллигенция на пути создания письменной культуры на родном языке, о стремлении поэта запечатлеть особую область действительности – национальную. Необходимо пояснить, что на этом пути И. Куратов не был одинок. Начиная с 1840-х гг., быт, обычаи, нрав коми народа активно осваиваются очерковой прозой, которая создается местной интеллигенцией на русском языке. Как пишет В.А. Лимерова, эта очерковая словесность была развернута в сторону русского читателя, но значительно ускорила становление национальной литературы: на ее почве вырабатывались такие важнейшие элементы как «геопозитический образ северного Зырянского края, образ зырянина – землепроходца и зверолова, органичные для зырянской культуры темы, сюжеты, мотивы»⁵. В это же время начинается процесс

³ Демин, В. Н. Рифмою крылатой свяжем строки / В. Н. Демин. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1999. – С. 27.

⁴ Скатов, Н. Н. Поэты некрасовской школы / Н. Н. Скатов // История русской литературы. В 4-х т. Т. III. Расцвет реализма. – Л. : Наука, 1982. – С. 388.

⁵ Лимерова, В. А. К вопросу становления национальной словесности: зырянская тема в литературных документах XIX века / В. А. Лимерова // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / Сост., вступ. ст. В. А. Лимеровой. – Сыктывкар : ООО «Издательство «Кола», 2010. – С. 5, 11.

создания оригинальных, в основном, стихотворных произведений на коми языке. Благодаря записям И.А. Куратова, до нас дошли имена первых коми поэтов П. Клочкова, В. Куратова, П. Распутина, подражавших в своем творчестве народной и духовной лирике. Известно, что И. Куратов критически оценивал их сочинения, отмечал литературную безграмотность авторов, но одновременно защищал их творчество как необходимый этап развития коми слова: «Стоит ли читать вообще плохие сочинения?... Из десятка плохих книг можно больше извлечь, чем из одной плохой. Ошибки предков составляют наш ум...»⁶.

Сочинения самого И.А. Куратова значительно расширили область эстетического освоения действительности коми поэзией. По сравнению со своими предшественниками, концентрировавшими свое внимание преимущественно на тех сферах жизни человека, которые варьируются в народно-песенной и религиозной традиции, И. Куратов в своем творчестве находит место самым разным жанрам и темам любовной, гражданской и философской лирики. При всем этом для И. Куратова существует область действительности, изучению и поэтическому освоению которой он посвятил всю жизнь, – это мир и язык родного коми народа. Герой юношеского стихотворения «Пӧрысь морт» (Старик, 1859), написанного в Вологодской семинарии, стал первым в галерее народных характеров, созданных поэтом в более зрелые годы. Особенно плодотворным в развитии темы народа является усть-сысольский период творчества поэта (1860–1865). Немногочисленные воспоминания его современников позволяют заключить о том, что в годы пребывания на родине, в Коми крае, поэт близко наблюдал традиционный быт и обычаи коми, вел сбор устно-поэтических произведений, изучал живую народную речь. Закономерно, что его собственное поэтическое творчество приобретает особое тематическое единство, связанное с внутренней потребностью поэта исследовать «родовые», исконные свойства коми человека – народный дух, воплощенный, по его мнению, в крестьянстве. В целом, в рукописях И.А. Куратова усть-сысольского и более позднего среднеазиатского периодов его жизни сохранилось более двадцати произведений, связанных между собой тематически и составляющих крестьянский цикл: «Гӧль зон» (Парень-бедняк), «Тима, дерт нин, пӧрысь» (Тима, конечно же, стар), «Пӧрысь морт» (Старик), «Пӧч» (Старуха), «Муса ныланӧй, мича аканьӧй» (Милая девушка, красивая куколка), «Синтӧм пӧльӧ» (Слепой старик), «Том ныв» (Молодая девица), «Том зон» (Молодец), «Коми бал», «Грездса ныв карса баринлы» (Деревенская девушка

⁶ Куратов, И. А. Высказывания о литературе, поэзии и искусстве / И. А. Куратов // Куратов И. А. Собрание сочинений : в 2-х т. Т. 1 : Художественные произведения / Ред. П. Доронин, Д. Конюхов. – Сыктывкар : Коми Госиздат, 1939. – С. 209–219.

городскому барину), «Тэ голь да сы пыдди тэ бур...» (Ты беден и за это ты хорош), «Закар ордын» (У Захара), «Кулём том мортлён» (Смерть молодого человека), «Гөстькөд» (С гостем), «Пöрысь олём» (Жизнь старика), «Корысь» (Нищий) и др. Большинство из названных стихотворений повествует о судьбе одного героя, вместе с тем крестьянский цикл И. Куратова – это не только своеобразная энциклопедия «экземпляров» коми людей, но и способ освоения начинающей литературой народной речи, народного сознания.

Следует уточнить, что созданный коми поэтом образ народа возникает из всего его творчества, в том числе из его лингвистических и этнографических работ: «Зырянский язык изучать – значит изучать зырянский народ, его образ мыслей и взглядов на мир и жизнь, его образование и вообще его отличительный народный оттенок... Вопрос об изучении зырянского языка тождественен с вопросом об изучении народов во всех их отношениях»⁷. **Объектом** нашего исследования послужили художественные произведения, в которых народная тема раскрывается путем непосредственного воссоздания картин крестьянской жизни, раскрытия конкретных человеческих судеб. С нашей точки зрения, названные произведения обладают чрезвычайной важностью как в пределах изучения персонажного мира И. Куратова, так и в более широком историко-литературном плане – как материал, воплотивший характерные черты коми поэзии на этапе ее становления. Стихотворения, составляющие два других ключевых цикла в творчестве И. Куратова: философская лирика и произведения, посвященные теме поэта и поэзии, – в настоящее время активно изучаются исследователями, им посвящен ряд работ Г.И. Тираспольского⁸, П.Ф. Лимерова⁹, Т.Л. Кузнецовой¹⁰, В.А. Лимеровой¹¹.

⁷ Куратов, И.А. Зырянский язык / И.А. Куратов // Куратов И.А. Собрание сочинений. : в 2 т. Т. 2 : Лингвистические работы / Отв. за вып. А.А. Вежев. – Сыктывкар : Коми Госиздат, 1939б. – С. 72.

⁸ Тираспольский, Г.И. О творческой истории стихотворения Куратова «Самсон» / Г.И. Тираспольский // Куратовские чтения. В 6 т. Т. 6. / Отв. ред. А. К. Микушев. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1990. – С. 87–98; Тираспольский, Г.И. Эхо пушкинской лиры / Г. И. Тираспольский. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1999. – 256 с.

⁹ Лимеров, П.Ф. И.А. Куратов : лейтмотивы творчества / П.Ф. Лимеров. – Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 2001. – 32 с.; Лимеров, П.Ф. Эсхатологические мотивы в поэзии И.А. Куратова / П.Ф. Лимеров // Арт. – 2009. – № 2. – С. 127–135; Лимеров, П.Ф. И.А. Куратов – первый поэт коми народа : очерк жизни и творчества / П.Ф. Лимеров // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2014. – № 4. – С. 97–105; Лимеров, П.Ф., Лимерова, В.А., Сурнина, Л.Е. И.А. Куратов : новые подходы к изучению творчества / П.Ф. Лимеров, В.А. Лимерова, Л.Е. Сурнина // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности. Коллективная монография. 2-е изд., дополненное. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. – С. 366–399; Лимеров, П.Ф. Иван Алексеевич Куратов / П.Ф. Лимеров. – Сыктывкар : Издательство «Эском», 2018. – 272 с.

¹⁰ Кузнецова, Т.Л. Литература XIX века / Т.Л. Кузнецова // Кузнецова Т.Л. Комическое в коми литературе. – Сыктывкар : Издательство Коми РИППКРНО, 1994. – С. 5–11; Кузнецова, Т.Л. Поэзия И.А. Куратова: особенности художественного выражения мысли / Т.Л. Кузнецова // И.А. Куратов : опыт осмысления жизни и творчества. Сборник статей по итогам симпозиума, работавшего в рамках II Всероссийской научной конференции «Филологические исследования – 2014» (Сыктывкар, 14–17 октября 2014 г.). – Сыктывкар. 2014. – С. 3–11.

¹¹ Лимерова, В.А. Тема поэтического самоопределения в стихотворениях И.А. Куратова / В.А. Лимерова // И. А. Куратов и проблемы современного финно-угроведения (сборник статей). – Сыктывкар, 2003. – С. 76–

Актуальность исследовательского обращения к крестьянскому циклу произведений И. Куратова объясняется также проблемами, которые возникли вследствие односторонней оценки литературного наследия поэта в советское время. В результате навязанного науке классового подхода к оценке литературных явлений основная часть перечисленных выше произведений рассматривалась на протяжении длительного времени в аспекте социального положения героев и более того, как замечает П.Ф. Лимеров, в качестве хрестоматийных примеров скорбной участи угнетенных и эксплуатируемых крестьян-тружеников¹². Такая модель творчества поэта, впервые подавшего голос против бесправия и нищеты своего народа, появилась в работах куратоведов в 1930-е гг., в период подготовки собрания его сочинений к изданию¹³ и получила развитие в послевоенные десятилетия в работах А.Н. Федоровой¹⁴, А.К. Микушева¹⁵, затем была поддержана В.И. Мартыновым в его исследованиях о взаимосвязанном развитии коми и русской литератур¹⁶ и оставалась доминирующей вплоть до перестроечных лет. Характерны с этой точки зрения исследования В.Н. Демина, который ставит вопрос о созданных И. Куратовым образах крестьян в связи с методологией творчества. Анализируя изменения в раскрытии темы народа поэтом, ученый выявляет укрепление принципов критического реализма в творчестве И. Куратова: прогресс видится исследователю в движении поэта к социальному наполнению образов крестьянства. По мнению В.Н. Демина, поэзия И. Куратова является частью общего для всей российской поэзии перехода от национально-

81; Лимерова, В.А. Куратов Иван Алексеевич / В.А. Лимерова // Литература Коми / Сост. Н. Головина, В.А. Лимерова. – Сыктывкар : «Седьмая печать», 2007. – С. 131–141; Лимерова, В.А. «Текст языка» в творчестве И.А. Куратова и его современников / В.А. Лимерова // Творчество И.А. Куратова и развитие литератур финно-угорских народов : Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Сыктывкар, 3–5 июля 2009 г.). – Сыктывкар, 2009. – С. 93–100; Лимерова, В.А. «Это – баба Усть-Сысольск» : образ города в творчестве И.А. Куратова / В.А. Лимерова // Уральский исторический вестник. – 2013. – № 1 (38). – С. 89–94; Лимеров, П.Ф., Лимерова, В.А., Сурнина, Л.Е. И.А. Куратов : новые подходы к изучению творчества / П.Ф. Лимеров, В.А. Лимерова, Л.Е. Сурнина // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности. Коллективная монография. 2-е изд., дополненное. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. – С. 366–399.

¹² Лимеров, П.Ф. И.А. Куратов : лейтмотивы творчества / П.Ф. Лимеров. – Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 2001. – С. 15.

¹³ Оботуров, И. Куратов Иванлӧн – коми медводдза поэтлӧн творчествоыс да олӧмыс =[Жизнь и творчество первого коми поэта – Ивана Куратова] / И.И. Оботуров // И.А. Куратов. Гижӧд чукӧр (1850–1870) (Избранные произведения). – Сыктывкар : Коми госиздат, 1932. – С. III–XIX; Доронин, П. Куратовлӧн уджда творчество =[О жизни и творчестве Куратова] / П. Доронин // И.А. Куратов. Художественнӧй произведениеяс =[Художественные произведения]. Т. 1. – Сыктывкар : Коми Госиздат, 1939. – С. V–LIV.

¹⁴ Федорова, А.Н. И.А. Куратов. Очерк жизни и творчества / А.Н. Федорова. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1960. – 152 с.

¹⁵ Микушев, А.К. Коми литература и народная поэзия / А.К. Микушев. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1961. – 128 с.

¹⁶ Мартынов, В.И. Становление коми литературы (Идейно-эстетический аспект) / В.И. Мартынов. – М. : Наука, 1988. 232 с.; Мартынов, В.И. Борьба И.А. Куратова за создание демократической коми литературы / В.И. Мартынов // Куратовские чтения. В 6 т. Т. 5. / Отв. ред. А.К. Микушев. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1989. – С. 23–33.

романтического к социально-детерминированному образу героя и действительности¹⁷. Переломной в изучении стихотворений крестьянской темы можно считать книгу Н.В. Вулих «Поэзия добра и света. Лирика И.А. Куратова и некрасовская школа»¹⁸, в которой на первый план исследовательского внимания выходит нравственный портрет сельского жителя-труженика, олицетворяющего собой лучшие черты родного поэту народа. Эта линия изучения куратовских персонажей с позиции народной этики чуть позднее была продолжена В.А. Латышевой при анализе отдельных произведений¹⁹. В связи с темой нашего исследования нельзя обойти вниманием также работы П.Ф. Лимерова о творческом пути И. Куратова, в которых дан обзор стихотворений крестьянского цикла, отмечены их жанровые особенности: новеллистический сюжет, нарративность, точность в бытовых деталях, этнографичность²⁰.

Предметом нашего исследования является один из важнейших способов выражения авторского сознания в крестьянском цикле поэтических произведений И.А. Куратова – субъектная организация текста. Выбор данной исследовательской проблемы обусловлен несколькими мотивами: во-первых, принадлежностью литературного материала к лирическому роду, для понимания которого «вопрос о том, как соотносятся автор и субъект (носитель) речи – один из коренных»²¹, во-вторых, индивидуальными особенностями лирики И. Куратова, фактом ее многосубъектности, ролью субъектной сферы в выражении авторской концепции крестьянского мира; в-третьих, как отмечалось выше, недостаточной исследованностью крестьянского цикла произведений И. Куратова с точки зрения их структурно-поэтических особенностей. Уточним, что своеобразие формы стихотворений крестьянской темы, в том числе их субъектный строй, рассматривались лишь попутно в связи с другими свойствами куратовской лирики: народностью²², строем

¹⁷ Демин, В.Н. Рифмою крылатой свяжем строки / В.Н. Демин. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1999б. – 160 с.

¹⁸ Вулих, Н.В. Поэзия добра и света. Лирика И.А. Куратова и некрасовская школа / Н.В. Вулих. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1994. – 70 с.

¹⁹ Латышева, В.А. Фольклор в поэзии Ивана Куратова / В.А. Латышева // Классики и современники. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2005. – С. 46–52; Латышева, В.А. Анализ одного стихотворения: «Том зон» (Юноша) И.А. Куратова / В.А. Латышева // Тайё сьылём – коми олём. Коми литературалы подув пуктысьяс йылысь уджъяс = [В этой песне коми жизнь. Сборник трудов об основоположниках коми литературы]. – Сыктывкар : ООО «Издательство «Кола», 2008. – С. 46–50.

²⁰ Лимеров, П.Ф. И.А. Куратов : лейтмотивы творчества / П.Ф. Лимеров. – Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 2001. – 32 с.; Лимеров, П. Ф. Иван Алексеевич Куратов: творчество длиною в жизнь / П.Ф. Лимеров // Простор. 5. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://zhurnal-prostor.kz/assets/files/2014/2014-5/5-2014-8.pdf>

²¹ Бройтман, С.Н. Лирический субъект / С.Н. Бройтман // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: учеб. пособие / Под ред. Л.В. Чернец. – М. : Высш. шк., 2000. – С. 141.

²² Демин, В.Н. И.А. Куратов и русская культура (о национальной самобытности поэзии И.А. Куратова) / В.Н. Демин // Куратовские чтения. В 6 т. Т. 6. / Отв. ред. А.К. Микушев. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1990. – С. 47–61.

стиха²³, повышенной интертекстуальностью и связью с отечественной и европейской поэзией²⁴. В качестве самостоятельной исследовательской проблемы субъектная сфера лирики И. Куратова не выдвигалась.

Между тем, в современной филологической науке все активнее ставится вопрос о форме и конкретных явлениях, к ней относящихся. Все более заметно стремление к целостности идейно-содержательного и художественно-формального анализа литературных произведений, которая предполагает обращение к понятиям «автор», «авторская позиция», изучение форм и способов выражения авторской позиции в тексте и в первую очередь субъектных, если речь идет о лирике: «Лирическое переживание предстает как принадлежащее говорящему (носителю речи)»²⁵. Субъектная же организация произведения – это соотносительность всех отрывков текста, образующих данное произведение, с носителями, субъектами речи – теми, кому приписан текст (формально-субъектная организация), и субъектами сознания – теми, чье сознание выражено в тексте (содержательно-субъектная организация)²⁶.

Научным направлением, выработавшим категориальный аппарат и методику анализа субъектного строя художественного произведения, стала «теория автора», в основе которой лежит идея необходимости разделять «автора биографического – творческую личность, существующую во внехудожественной, первично-эмпирической

²³ Ванеев, А.Е. Сõвмысь поэзия : коми поэтыяслõн мастерство йылысь пасйõдьяс = [Развивающаяся поэзия : заметки о мастерстве коми поэтов] / А.Е. Ванеев. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1963. – 112 с.; Ванеев, А.Е. В поисках истины : Мировоззрение и эстетические взгляды И.А. Куратова / А.Е. Ванеев. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1989. – 176 с.

²⁴ Ванеев, А.Е. Реализм И.А. Куратова в связях с концепцией реализма в эстетике русских революционных демократов / А.Е. Ванеев // Межнациональные связи коми литературы и фольклора: Сб. науч. тр. АН СССР. Коми филиал. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1979. – С. 82–88; Ванеев, А.Е.; Вулих, Н.В. Античность в творчестве И.А. Куратова / А.Е. Ванеев, Н.В. Вулих. – Сыктывкар, 1986. – 35 с. (Серия препринтов «Научные доклады» / Академия наук СССР, Коми филиал. Вып. 156); Вулих, Н.В. Поэзия добра и света. Лирика И.А. Куратова и некрасовская школа / Н.В. Вулих. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1994. – 70 с.; Гуляев, Е.С. И.А. Куратов да текстологыяслõн могъяс = [И.А. Куратов и задачи текстологов] / Е.С. Гуляев // Куратовские чтения. В 6 т. Т. 1. / Отв. ред. А.К. Микушев – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1973. – С. 103–118; Демин, В.Н. Куратов как шестидесятник / В.Н. Демин // Куратовские чтения. В 6 т. Т. 4. / Отв. ред. А.К. Микушев. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1986. – С. 54–66; Демин, В.Н. И.А. Куратов и русская культура (о национальной самобытности поэзии И.А. Куратова) / В.Н. Демин // Куратовские чтения. В 6 т. Т. 6. / Отв. ред. А.К. Микушев. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1990. – С. 47–61; Демин, В.Н. И.А. Куратов и европейская поэзия : доклад на заседании президиума Коми НЦ УрО РАН / В.Н. Демин. – Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 1999. – 21 с.; Лыткин, В.И. И.А. Куратов кывбурьяслõн медводдза публикация = [Первые публикации стихотворений И.А. Куратова] / В.И. Лыткин // Куратовские чтения. В 6 т. Т. 1. / Отв. ред. А.К. Микушев. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1973. – С. 91–103; Лыткин, В.И. И. Куратовõн Гейнелысь вуджõдõм кывбурьяс = [Стихи Гейне, переведенные на коми язык И. Куратовым] / В.И. Лыткин // Куратовские чтения. В 6 т. Т. 2. / Отв. ред. А.К. Микушев. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1976. – С. 16–24; Тираспольский, Г.И. Эхо пушкинской лиры / Г.И. Тираспольский. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1999. – 256 с.

²⁵ Хализев, В.Е. Лирика / В.Е. Хализев // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / Под ред. Л.В. Чернец. – М. : Высшая школа, Академия, 1999. – С. 133.

²⁶ Корман, Б.О. Изучение текста художественного произведения / Б. О. Корман. – М. : Просвещение, 1972. – 113 с.

реальности, и автора в его внутритекстовом, художественном воплощении»²⁷. В развитие отечественной «теории автора» большой вклад был внесен Б.О. Корманом. Опираясь на позиции В.В. Виноградова и М.М. Бахтина, рассматривавших образ автора как решающее условие отличительной целостности литературного произведения и литературы, Б.О. Корман предложил принять в качестве обязательного следствия этой концепции следующее положение: «... автор непосредственно не входит в текст: он всегда опосредован субъектными или внесубъектными формами. Представление об авторе складывается из представления об этих формах, их выборе и сочетании»²⁸. В своих трудах ученый устанавливает зависимость авторских «опосредований» в тексте от родовой принадлежности произведения и обосновывает наличие четырех субъектных форм в лирике: собственно автор, автор-повествователь, лирический герой и ролевой герой. В дальнейшем теория Б.О. Кормана продолжает разрабатываться его учениками и последователями: Л.М. Биншток, С.Н. Бройтманом, Т.Л. Власенко, Д.И. Черашней, В.И. Чулковым и другими также на материале русской литературы. Примеры использования методики субъектного анализа лирики можно обнаружить и в практике исследования финно-угорских литератур. Так, в диссертации Е.В. Барановой «Основные тенденции развития мордовской лирики на современном этапе, 1980–90-е годы» одна из глав посвящена изучению форм выражения авторского сознания в мордовской лирике²⁹. С точки зрения субъектного строя рассмотрены отдельные образцы национальной поэзии и прозы удмуртскими учеными: В.М. Ванюшев «Поэтическая диалогия Г.Е. Верещагина»³⁰ и «Объектно-субъектная организация этнографических очерков и информанты Г.Е. Верещагина»³¹; А.С. Зуева «Повествователь в первом удмуртском романе»³², «Поэтика

²⁷ Прозоров, В.В. Автор / В.В. Прозоров // Введение литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / под. Ред. Л.В. Чернец. – М. : Высшая школа, Академия, 1999. – С. 11.

²⁸ Корман, Б.О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора / Б.О. Корман // Страницы истории русской литературы. – М. : Наука, 1971. – С. 200.

²⁹ Баранова, Е.В. Основные тенденции развития мордовской лирики на современном этапе, 1980–90-ые годы : спец. 10.01.02. – Литература народов Российской Федерации: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Е.В. Баранова; науч. рук. В.М. Макушкин [Электронный ресурс]. – Саранск, 2000. – 187 с. URL: <http://www.dslib.net/literatura-rosii/osnovnye-tendencii-razvitiya-mordovskoj-liriki-na-sovremennom-jetape-1980-90-e-gody.html> (Дата обращения: 28.01.2019)

³⁰ Ванюшев В.М. Поэтическая диалогия Г.Е. Верещагина : Учебное пособие для студентов факультета удмуртской филологии УГУ по спецкурсу «Жизнь и творческий путь Г.Е. Верещагина». – Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2002. – 194 с.

³¹ Ванюшев, В.М. Объектно-субъектная организация этнографических очерков и информанты Г. Е. Верещагина : к вопросу о зарождении национальной литературы / В.М. Ванюшев // Литература Урала : история и современность : сборник статей. Вып. 6 : Историко-культурный ландшафт Урала : литература, этнос, власть / Институт истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2011. – С. 89–97.

³² Зуева, А.С. Повествователь в первом удмуртском романе / А.С. Зуева // Проблема автора в художественной литературе. Вып. 1. – Ижевск : Удмурт. гос. ун-т, 1974. – С. 18–28.

современного удмуртского романа»³³ и «Лирика удмуртского поэта Кузубая Герда: опыт системно-субъектного анализа»³⁴; Н.В. Лекомцева «Творчество удмуртского поэта Н.С. Байтерякова в контексте мировой и отечественной литературы»³⁵. Элементы субъектного анализа можно наблюдать и в отдельных работах о коми литературе: Р.И. Куклина «И.А. Куратов да öнiя коми драматургия» (И.А. Куратов и современная коми драматургия)³⁶, «Авторская позиция в драматургии Н.П. Попова (Жугьль): судьба репрессированного писателя и творчество»³⁷; В.А. Лимерова «Авторская позиция в эпическом произведении»³⁸ и др.

Важнейшее значение для исследования поэзии И.А. Куратова, в границах которой коми лирика интенсивно воплотила достижения предшествующих эпох и современности, имеют работы, в которых субъектный строй отечественной лирики рассматривается в исторической динамике. Данные исторической поэтики говорят о том, что в истории лирики существовали качественно разные типы лирического субъекта. На ранних этапах развития искусства наблюдается по преимуществу коллективное «хоровое» авторство, при этом индивидуальный компонент творчества остается анонимным. Именно такой характер носило авторство в фольклоре и древнерусской литературе. Старорусское стихотворство XVII в., не порвавшее связи с прозой, оставалось близким к ней как субъектом речи, так и объектом и предметом изображения. В стихах крайне редко встречалась личная форма высказывания от лица «я» и «мы»³⁹. В середине XVIII в. происходит сдвиг в сторону распространения личных форм высказывания, обращения к внутреннему душевному состоянию⁴⁰, однако рост чувств личности сочетается с авторитетом надличностных ценностей, олицетворением которых является монарх. Эта

³³ Зуева, А.С. Поэтика современного удмуртского романа / А.С. Зуева // Актуальные проблемы эстетики социалистического реализма в литературах советского Востока : материалы Всесоюз. науч. конф., Казань, 1978. – Казань, 1979. – С. 252–257.

³⁴ Измайлова, А.С. Лирика удмуртского поэта Кузубая Герда : опыт системно-субъектного анализа / А.С. Измайлова // Проблема автора в художественной литературе : межвуз. сб. науч. тр. – Ижевск, 1990. – С. 180–184.

³⁵ Лекомцева, Н.В. Творчество удмуртского поэта Н.С. Байтерякова в контексте мировой и отечественной литературы / Н.В. Лекомцева // Высшее образование и наука Пармы : Материалы межрегиональной научно-практической конф. – Кудымкар, 2009. – С. 289–300.

³⁶ Куклина, Р.И. И.А. Куратов да öнiя коми драматургия = [И.А. Куратов и современная коми драматургия] / Р.И. Куклина // Куратовские чтения. В 6 т. Т. 6. / Отв. ред. А.К. Микушев. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1990. – С. 102–109.

³⁷ Куклина, Р.И. Авторская позиция в драматургии Н.П. Попова (Жугьль) : судьба репрессированного писателя и творчество / Р.И. Куклина // От краеведения к науке : Материалы респ.науч.конф., посвященной 110-летию со дня рождения А. С. Сидорова и 80-летию Общества изучения Коми Края (Сыктывкар, 10–11 октября 2002 г.). – Сыктывкар, 2003. – С. 171–174.

³⁸ Лимерова, В.А. Авторская позиция в эпическом произведении : Учебное пособие по спецкурсу / В.А. Лимерова. – Сыктывкар : Сыктывкарский ун-т, 1995. – 119 с.

³⁹ Савченко, Т.Т. Субъектный строй русской лирики: На материале поэзии XVIII – первой трети XIX вв.: спец. 10.01.01. – Русская литература : дис. на соиск. учен. степ. доктора филолог. наук / Т.Т. Савченко. – Караганда, 2000. – С. 129.

⁴⁰ Там же. С. 277.

особенность заявляет о себе в господстве жанрового мышления: жанр подчинял себе субъекта, закрепляя каждый тип сознания за определенной жизненной сферой⁴¹. Выбор формы высказывания определяется по преимуществу жанром произведения⁴². К концу XVIII столетия складывается современный индивидуально-творческий тип лирического субъекта. Одно из главных достижений романтизма – возникновение того феномена, который через столетие с лишним получил название лирического героя: «я» становится не только субъектом, но и главным объектом высказывания. Что же касается другого человека, ему отводится второстепенная роль: он выступает лишь как бесправный антагонист «я»⁴³. Для литературы романтизма характерна монологическая субъектная структура⁴⁴. Для реалистической литературы XIX в. центром аксиологической системы становится человек как родовое существо: он ценен по определению⁴⁵. Гуманистическая этика реализма, для которой значение «я» обусловлено признанием первостепенной ценности другого человека как такового, определяет строение реалистической лирической системы. Она разомкнута, открыта множеству сознаний. В целом лирическая система реализма – это совокупность и взаимодействие разных субъектных сфер: стихотворения с лирическим «я» и «мы», собственно автором, повествовательной (эпической) лирикой, а также ролевыми стихотворениями⁴⁶. Рассматривая русскую лирику XIX в., С. Н. Бройтман замечает в ней значительное возрастание роли высказывания от «я» и в то же время увеличение роли взгляда на субъект речи как на «другого». Демократическая идея равноправного «другого» теперь окончательно становится не просто прокламируемой идеей, а входит в плоть лирики, становится ее содержательной субъектно-образной формой. С этим процессом связана и эмансипация слова в поэзии⁴⁷, современной И.А. Куратову.

Обратим внимание, что принципы субъектного анализа поэтического произведения в отечественном литературоведении сложились в основном на почве изучения русской реалистической лирики XIX в., которая стремилась охватить жизнь в ее

⁴¹ Корман, Б.О. Жанровое мышление и самосознание личности в русской лирике 30–60-х гг. XVIII в. / Б.О. Корман // Жанр и композиция литературного произведения : Межвуз. сб. – Калининград, 1978. Вып. 4. – С. 18.

⁴² Корман, Б.О. Проблема личности в реалистической лирике / Б.О. Корман // Корман Б.О. Избранные труды. Теория литературы / Ред.-сост. Е.А. Подшивалова, Н.А. Ремизова, Д.И. Черашняя, В.И. Чулков. – Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2006. – С. 340.

⁴³ Там же. С. 341.

⁴⁴ Леднева, Т.П. Авторская позиция в произведениях М. Горького 90–х годов XIX века : Учебное пособие по спецкурсу / Т.П. Леднева. – Ижевск : Удмуртский гос. ун-т, 2001. – 134 с.

⁴⁵ Корман, Б.О. Проблема личности в реалистической лирике / Б.О. Корман // Корман Б.О. Избранные труды. Теория литературы / Ред.-сост. Е.А. Подшивалова, Н.А. Ремизова, Д.И. Черашняя, В.И. Чулков. – Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2006. – С. 362.

⁴⁶ Там же. С. 356–357.

⁴⁷ Бройтман, С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики (Субъектно-образная структура) / С.Н. Бройтман – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1997. – С. 174–180.

многоаспектности, прибегала к многоголосию, к непрямому слову, когда автор вживается в «чужие» точки зрения, строит образ на их пересечении⁴⁸. Становление коми поэта И.А. Куратова шло в контексте этих процессов, поэтому нам представляется вполне логичным обратиться к субъектной сфере его поэзии.

Итак, **актуальность** исследования крестьянского цикла стихотворений И.А. Куратова в аспекте субъектных форм выражения авторского сознания объясняется как значимостью крестьянского цикла в лирике И. Куратова, так и исследовательскими возможностями, которыми обладает изучение субъектной сферы произведений для раскрытия индивидуальной авторской системы и состояния коми поэзии 1850–1870-х гг.

Цель исследования заключается в уточнении и обновлении научных представлений об идейно-художественном содержании поэзии И.А. Куратова путем анализа субъектного строя ключевых произведений, составляющих крестьянский цикл.

Выдвинутая цель предполагает решение следующих **задач**:

- рассмотреть произведения И.А. Куратова на уровне их субъектной организации, обосновать применимость субъектного анализа к его творчеству;
- установить преобладающие типы лирического субъекта (носителя речи и сознания), исследовать принципы создания образа народного мира и оценки человека в крестьянском цикле произведений И.А. Куратова с учетом особенностей их субъектной сферы.
- охарактеризовать крестьянский цикл произведений И.А. Куратова как идейно-художественное единство, обеспечиваемое выражением ценностной позиции автора и героев.

Научная **новизна** диссертации определяется:

- впервые предпринятым анализом субъектного строя лирики И.А. Куратова, позволившим значительно расширить представления об индивидуальном своеобразии творчества коми поэта и его связях с литературным движением современности.
- выявлением субъектных форм выражения авторского сознания в произведениях крестьянского цикла И.А. Куратова, определением функциональной роли автора-повествователя и героя ролевой лирики в выражении авторской концепции крестьянского мира и национального характера.
- дальнейшим развитием методики субъектного анализа поэтического текста.

На защиту выносятся следующие **положения**:

⁴⁸ Рымарь, Н.Т., Скобелев, В.П. Теория автора и проблема художественной деятельности / Н.Т. Рымарь, В.П. Скобелев. – Воронеж : Логос-Траст, 1994. – С. 12–13.

- лирическая система И.А. Куратова является многосубъектной, организованной точкой зрения нескольких субъектов: лирическим героем, собственно автором, автором-повествователем и героем ролевой лирики;
- субъектная организация стихотворений крестьянского цикла представлена автором-повествователем и героем ролевой лирики, т.е. формами, соположными эпическому изображению;
- выбор таких субъектных форм, как автор-повествователь и ролевой герой, объясняется широтой авторской задачи – создать социальный, психологический, этнически обусловленный тип героя.
- многосубъектность характерна как для отдельных произведений крестьянской тематики, так и для лирической системы И. Куратова в целом.
- субъектный строй поэтических произведений имеет определяющее значение в выражении авторской ценностной и художественной позиции в лирике И. Куратова.

Теоретико-методологическую основу диссертации составляют труды ведущих отечественных литературоведов – В.В. Виноградова, М.М. Бахтина, Г.А. Гуковского, Ю.Н. Тынянова, Л.Я. Гинзбург и др. Мы опираемся на методику изучения автора в лирическом произведении, разработанную Б.О. Корманом, принципы и формы анализа авторской позиции, определенные ученым и его последователями. Большое значение для нашего исследования имеют труды коми литературоведов: А.Н. Федоровой, В.Н. Демина, А.К. Микушева, В.И. Мартынова, А.Е. Ванеева, Н.В. Вулих, Г.И. Тираспольского, П.Ф. Лимерова, В.А. Лимеровой и др. – создавших концептуальную парадигму изучения коми литературы XIX в. и творческого наследия И.А. Куратова.

Методологической основой диссертации послужил системно-субъектный метод анализа художественного произведения. Кроме этой методики, выдвинутой в качестве основной, нами используется методика сравнительно-сопоставительного, контекстуального анализа текста в тех случаях, когда конкретное произведение имеет свой литературный прототип. Большое значение для нас имел и традиционный в литературоведении структурно-семантический подход, выявляющий функцию конкретных поэтических средств в формировании поэтической идеи произведений.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в изучение творчества И.А. Куратова, в частности, в исследование способов выражения авторского сознания в стихотворениях коми поэта, развития художественных форм в период зарождения коми лирики. Работа расширяет и уточняет представления о специфике воплощения народного характера в поэзии И. Куратова.

Практическая значимость работы состоит в дальнейшем развитии куратоведения в ее литературоведческой части, использовании предложенных интерпретаций стихотворений И. Куратова в образовательном процессе, расширении методов изучения творчества первого коми поэта и коми поэзии в целом.

Степень достоверности и апробации результатов. Основные положения диссертации изложены в 45 научных и научно-популярных изданиях, восемь из них в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук. Результаты исследования были представлены в докладах на Международных («В.И. Лыткин: грани наследия», Сыктывкар, 2010 г.; «Культурное наследие и глобализация. Опыт, проблемы, перспективы сохранения культурных ценностей в современном мире», Сыктывкар, 2011; «Вопросы диалектологии и полевые исследования: традиции и перспективы», Сыктывкар, 2013 г.), Всероссийских («Молодежь и наука на Севере», Сыктывкар, 2008 г.; «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов, музеев», Сыктывкар, 2008 г.; «Творчество И.А. Куратова и проблемы развития литератур финно-угорских народов», Сыктывкар, 2009 г.; «Человек и эпоха», Сыктывкар, 2010 г.; «Устные и письменные традиции народов европейского севера России: памяти К.Ф. Жакова и А.К. Микушева», Сыктывкар, 2011 г.; «Филологические исследования на рубеже XX-XXI веков: традиции, новации, итоги, перспективы», Сыктывкар, 2011 г.; «Филологические исследования – 2014. Источники, их анализ и интерпретация в филологических науках», Сыктывкар, 2014 г. и др.) и региональных конференциях (XX годовичная сессия Учёного совета СГУ (Февральские чтения), Сыктывкар, 2013 г.; республиканская творческая лаборатория «Милее всего родная земля, Мелодичнее всего родной язык», посвященная 80-летию Союза писателей РК, Сыктывкар, 2014 г.; I съезд историков Республики Коми «История и культура Российского Севера в исследовательском, образовательном и просветительском измерениях», Сыктывкар, 2015 г.; XXII годовичная сессия ученого совета, Сыктывкар, 2015 г.; III Всероссийская научная конференция «Филологические исследования – 2017. Фольклор, литературы и языки народов европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия», Сыктывкар, 2017 г.; Международная научно-практическая конференция «Литературное наследие региона: сохранение, интеграция в цифровую среду, перспективы чтения», Сыктывкар, 2017 г. и др.). Результаты исследований были использованы при преподавании курса «Коми литература» в «Коми республиканском лицее-интернате для одаренных детей из сельской местности» (2012–2019), преподавании спецкурсов «За строкой поэтического текста. Творческие мастерские» (2016–2017) и «Основы теории литературы» (2017–2018), курса школьной

программы «Литература Республики Коми» (2017–2018) в гимназии искусств при Главе Республики Коми им. Ю. А. Спиридонова.

Структура диссертации определена предметом исследования и поставленными задачами. Работа состоит из введения, 3-х глав и заключения. Текст диссертации составляет 165 страниц, библиографический список включает в себя 283 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования и выбор темы, рассматривается степень ее разработанности, определяются цели и задачи, научная новизна диссертации, выделяется объект и предмет исследования, теоретическая и практическая значимость; формируются положения, выносимые на защиту; характеризуется методологические и теоретические основы работы; также представлен краткий обзор теоретических и историко-литературных работ, близких теме исследования.

В ходе исследования установлено, что И. Куратов первым в коми поэзии сознательно вел поиск таких форм высказывания, которые были бы способны выразить философию жизни человека из народа и раскрыть лучшие общенациональные черты коми. Одной из таких форм является ролевая лирика, исследованию которой посвящена **первая глава** диссертации «**Ролевая лирика И.А. Куратова**».

Основным субъектным центром в произведениях ролевой лирики является герой, взглядом и словом которого организован текст, но значительно отличающийся по своему мировосприятию от автора. Ролевая лирика не предполагает прямых эксплицитных «выступлений» автора в тексте, описаний и характеристик героев. Автор в этом случае преднамеренно отступает на второй план, предоставляя герою возможность самораскрыться, поэтому суть характеров становится понятной из разворачивающихся событий, рассказываемых самими героями. На первый план выступает сам процесс и особенности «рассказывания», в котором и открывается читателю герой, его представления о себе, о его месте в людском мире.

В ходе исследования нами было установлено, что восемь из 21 стихотворения, составляющих крестьянский цикл произведений И. Куратова, принадлежат к ролевой форме высказывания. Это «*Пöрысь морт*» (Старик, 1859), «*Эльтчöм*» (Жалоба, 1862), «*Пöрысь ныв*» (Старая дева, 1862), «*Грездса ныв карса баринлы*» (Деревенская девушка городскому барину, 1862), «*Гöль зон*» (Парень-бедняк, 1864), «*Гöсьткöд*» (С гостем, 1865), «*Каналляыд менам мусук*» (И каналья же мой милый, 1866), «*Том ныв. Но и зонъяс Карта сиктын*» (Молодая девушка. Ну и парни в селе Карта, 1870). В творчестве поэта

также встречаются произведения, в которых лишь некоторая часть текста организована точкой зрения ролевого героя, другая часть – автором-повествователем / собственно автором, как, например, в стихотворениях «*Микул*» (1862), «*Кулõм том мортлõн*» (Смерть юноши, 1867) и «*Пõрысь олõм*» (Жизнь старика, 1870).

Ролевое стихотворение есть форма самопредъявления личности, способ обнажения его характера и жизненных ценностей, поэтому в данном случае важнейшее значение имеет сам выбор центрального персонажа – главного субъекта речи. Героями ролевых стихотворений И.А. Куратова являются люди разной судьбы и разных поколений: одни только вступают в жизнь, другие близки к завершению жизненного пути. Но те и другие имеют в границах художественного мира объединяющую функцию: в их монологи поэт вкладывает народные представления о счастье. Таковы, например, герои стихотворений «*Парень-бедняк*» и «*Деревенская девушка городскому барину*». Парень-бедняк и деревенская девушка – воспитанники крестьянского общества, понимающие и принимающие свою деревенскую судьбу. Парень-бедняк, не имеющий крова над головой, убежден в том, что лишь трудом и собственными силами он сможет поправить свое безрадостное положение. Отказывая барину, вознамерившемуся прельстить богатой и сытой жизнью в городе, деревенская девушка защищает не только свою честь. Уехать с бариним для нее – это все равно, что нарушить естественный ход жизни, как собственной, так и родного ей сельского мира. Герои стихотворений «*Старик*» и «*Исповедь*» живут в условиях равнодушия своих родных и близких, испытывают крайнюю степень унижения, однако сохраняют при этом чувство собственного достоинства и даже сочувствие к своим «мучителям». Читатель видит героев стихотворений в момент напряжения жизненных сил, именно в трудных обстоятельствах проявляются их лучшие человеческие свойства: трудолюбие, смелость, мужество, оптимизм, склонность к шутке и, что очень важно, – способность к самоиронии, которая показывает внутреннюю силу народа; поэтому ролевая форма в таких произведениях художественно оправдана. Автор полностью доверяет таким героям слово, будучи убежденным в их высокой человеческой сущности, духовной силе и мужестве.

Субъектная сфера стихотворений непосредственно связана с самораскрытием главного героя, поэтому строится в виде его характерологического монолога, включающего голоса всех других персонажей. Показательны в этом отношении стихотворения «*Деревенская девушка городскому барину*» и «*Исповедь*», связанные между собой темой женской судьбы. Первое из них построено как монолог-ответ девушки на предложение барина, посулившего взамен любви жизнь в городе. Из постоянных обращений девушки к предполагаемому собеседнику можно догадаться, что предложение

барина предшествует ответному слову героини, но не оформлено прямой речью. Действие в стихотворении происходит в пространственной зоне героини, и барин, несмотря на более высокий социальный статус, словно лишен ею права на слово. Текст строится не как диалог, а монолог девушки, которая защищает перед барином нравственные ценности родного ей деревенского мира.

Жизнь героини стихотворения «Исповедь» прожита с нелюбящим, равнодушным к ее положению мужем – единственным сыном местного богача. Несмотря на страдания, причиной которых является распутная жизнь мужа, монолог женщины обращен к нему, своему мучителю. Благодаря отображению угадываемых женщиной мыслей своего мужа, отзвуков его реплик, он становится равноправным участником описываемых сцен и «собеседником» женщины. Таким образом, субъектный строй стихотворения обнаруживает, что распутный и жестокий муж – единственный человек, которому она может пожаловаться и который принимает участие в ее судьбе.

В форме скрытого диалога двух людей строится стихотворение «С гостем». Как и в предыдущих случаях, явным, эксплицитно воплощенным образом является лишь главный субъект речи, но текст воспринимается как неторопливая беседа двух близких друзей, которые вспоминают о своей прошедшей молодости, говорят о женах, о будущем детей. Такое субъектное строение текста позволяет поэту незаметно обрисовать читателю картину жизни простого человека, который без утайки рассказывает о том, что ему дорого.

В отдельных произведениях собеседником героя на время становится сам поэт, принимающий при этом отдельные свойства персонажа. Так, в стихотворении «Старик» поэт в глубоком раздумье останавливается перед стариком, как бы провоцируя его высказаться, а затем «уходит» за пределы изображенного мира, оставляя читателя наедине с испытывающим глубокое одиночество героем и заставляя задуматься о значимости семьи и семейных традиций в жизни человека. Так и в стихотворении «Парень-бедняк», перечисляя вместе с героем недостающие в жизни молодого человека звенья, поэт обнаруживает всенародные представления о том, чем обязательно должен обладать человек – это семья, любимый человек, родной кров.

Следует сказать, что ценностный мир крестьянина И. Куратов выражает и с помощью других форм (как, например, в далее рассмотренных стихотворениях с повествовательной формой высказывания). Ролевая форма высказывания используется поэтом в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть, что сам народ уже выработал свое «слово» и свой «голос», что герой из народа сам в состоянии о себе рассказать.

Во второй главе «Стихотворения И.А. Куратова с повествовательной формой высказывания» рассмотрены поэтические произведения, основным субъектным центром в которых является автор-повествователь.

На основе анализа литературного материала установлено, что повествовательная форма высказывания свойственна большей части произведений И.А. Куратова, относящихся к крестьянской теме: «*Муса ныланой, мича аканьой*» (Милая девушка, красивая куколка, 1862), «*Тима, дерт нин, пöрысь*» (Тима, конечно же, стар, 1864), «*Видзöд – эстöн жырыс куд ыджда...*» (Посмотри, там комнатка с лукошко..., 1864), «*Том зон*» (Молодец, 1865), «*Том ныв*» (Молодая девушка, 1865), «*Коми бал*» (1865), «*Корысь*» (Нищий, 1865), «*Пöч*» (Старуха, 1866), «*Синтöм пöльö*» (Слепой старик, 1866), «*Коми баллада*» (1865, 1867), «*Закар ордын*» (У Захара, 1867) и др.

Функциональная роль повествовательной формы отчетливо различима на фоне стихотворений с ролевой формой высказывания, в которых важнейшее значение имеет личность героя, рассказ о характерной для крестьянства и в то же время особой судьбе человека. В стихотворениях, организованных словом повествователя, поэт ставит иную задачу – создать портрет сельского коллектива, в котором каждый имеет место не только как индивидуальная личность, но и как гарант существования традиции. Поэтому речевым субъектом является не отдельный человек (как это было в ролевой лирике), а автор-повествователь, который видит, наблюдает и осознает больше, чем отдельный герой.

Основной субъект речи в текстах с повествовательной формой высказывания преимущественно придерживается позиции наблюдателя, которая дает ему возможность локализации собственной точки зрения в художественном пространстве произведения. Так, например, в стихотворении «Коми бал», которое строится как описание деревенских посиделок, повествователь занимает определенную точку в пространстве. Его взгляд постепенно переходит от одного персонажа к другому, как бы обегая всех присутствующих в избе. Последовательный обзор сидящих и танцующих имитирует движение взгляда человека, осматривающего эту картину. В этих случаях пространственная позиция автора относительно реальна – в том смысле, что он будто бы находится среди тех лиц, которых он описывает, и является человеком, который имеет свое место в деревенском обществе и может без приглашения прийти на «коми бал».

В стихотворении «Старуха» повествующий также не назван, но его присутствие ощутимо в пространственно-временной и фразеологической организации всего произведения. Говорящий наделен свойствами рассказчика – свидетеля происходящего: он не является собеседником героини, но видит и слышит ее. В пору летней страды старуха уже не может работать в полях и на сенокосе, но все же не сидит без дела, прядет

пряжу. С точки зрения старухи, жизнь ее затянулась: ее ослабевшие руки то и дело роняют нехитрые «инструменты» крестьянского труда: веретено, коромысло, пест. Она призывает орта – духа смерти, чтобы тот забрал ее, воспринимая свой конец как закономерное завершение поры, когда она могла трудиться. Однако содержание стихотворения гораздо шире точки зрения героини, что обеспечивается наличием и позицией повествующего лица. Заметно, что действия старухи, как и окружающий предметный мир, наделяются символическим смыслом: повествователь привлекает внимание к тому, как преодолевая дремоту, старуха старательно вытягивает из кудели нить, и длина ее пряжи соизмерима с длиной не только ее собственной жизни. Чем дольше крутится веретено в руках пряжи, тем длиннее день, тем дальше миг смерти и конца окружающего ее света. Таким образом, и немощная старуха имеет свое место в крестьянском мироздании, обеспечивая необходимый ход времени. Этот пласт смысла относится к авторскому и строится на сочетании близких, но семантически несовпадающих точек зрения героини и повествователя.

По мнению поэта, труд – это естественное состояние и насущная потребность народа. Без него человек не может считаться достойным, быть уважаемым другими людьми. Именно труд гарантирует место в сельском коллективе слепому старику, о котором рассказывается в стихотворении «Слепой старик». В ловких руках старика, который на ощупь мастерит из дерева посуду, нуждается вся деревня. Позиция автора в произведении выражается на уровне качественных характеристик, субъектно прикрепленных к точке зрения повествователя. Несмотря на оценочность речи, способ существования повествователя в тексте в целом несет свойства основного субъекта речи в эпическом произведении. Повествователь рассказывает о старике и оценивает его, но не включается в хронотоп художественных событий, сохраняя тем самым целостность героя и собственную, характерную для эпоса, отстраненность от изображаемого мира. Можно утверждать, что в стихотворении «Слепой старик» автор намеренно прибегает к приемам эпического изображения, создает характер вполне эпический, способный олицетворить порядок жизнедеятельности всего крестьянского общества, его идеалы и ценности.

Стремление И.А. Куратова воссоздать тот образ жизни, который свойственен в целом сельскому коллективу, выявляется на примере стихотворения «Тима, конечно же, стар». Тима – трудолюбивый, не знающий нужды человек, он же – балагур и остролов, отпускающий скабрзные шутки о своих односельчанах. Вот две взаимодополняющие стороны воссозданного поэтом характера. Благодаря особому строению текста повествователя, в котором сплетаются речь старика Тимы и окружающих его людей, возникает представление о месте героя в деревне. Тима оценивается его же социальной

средой, и повествователь в этом случае является частью крестьянского общества, его голос – это один из голосов в «народном хоре».

В отдельных случаях субъект речи напоминает личного повествователя («Юноша», «Молодая девушка», «Милая девушка, красивая куколка»). В стихотворениях с личным повествователем И. Куратовым поэтически осмысливается народное понимание семьи. Именно семья, любимый человек и являются счастьем. Человек в одиночестве – полчеловека, следовательно, надо обзавестись другой половиной. Семья является средством достижения полноты личности. Говорящий в этих стихотворениях предстает лицом, обладающим большим жизненным опытом: он беседует со своим читателем о том, что необходимо для счастья, какими чертами характера должен обладать, к примеру, глава семейства, чтобы обеспечить благополучную жизнь своим родным и близким. Будущее героев остается за строками стихотворений, герои должны сами выбрать его, но поэт не остается безучастным к судьбе достойных счастья молодых людей и сулит им счастливую семейную жизнь. Личность самого говорящего в стихотворениях открыто не выражается, но активность его слова, т.е. то, как он описывает героев и как к ним обращается, рождает впечатление их телесной и душевной зрелости, придает их характерам особую цельность, благодаря чему создается единый образ молодой пары. Ощущение полноты жизни вместе с героями как будто испытывает и сам говорящий, однако субъектно он не сливается с ними: внимание читателя направлено на поэтическое осмысление народного понимания семьи, реализующееся в сценарии судеб героев.

В ряде стихотворений И.А. Куратова основной субъект речи близок всеведущему повествователю эпического произведения: он знает все обо всех, и именно это его качество позволяет выделить в каждом персонаже самое главное. Примером служит стихотворение «У Захара», в котором изображается «пир» в доме деревенского печника Захара. Среди званых гостей – охотник Макар, лаптеплёт Кась Вась, знахарь Спиридон, церковный сторож Митрофан, рыбак Тарас, столяр и плотник Микаль, шерстобит Руч Вань и др., каждого из которых поэт наделяет особыми чертами внешности и характера. Несмотря на сжатость описаний, в портретах проступают личные, но сформированные родом занятий и местом каждого персонажа в хозяйственной жизни деревни черты. Не приукрашивая, но и не приземляя героев, И.А. Куратов смог воплотить в них коренные нравственные качества коми народа: трудолюбие, мужество, выносливость, юмор, находчивость. При этом субъектный строй стихотворения направлен на активную и лаконичную характеристику персонажного мира, именно поэтому «речь» в нем доверена всеведущему повествователю.

Итак, в стихотворениях, организованных точкой зрения повествователя, последний фактически является «доверенным лицом» автора, включая в границы собственного слова все голоса и «собирая» изображенный мир и людей в пространство единой народной, национальной жизни.

Третья глава диссертации **Стихотворения И.А. Куратова с полисубъектной организацией текста** посвящена исследованию поэтических произведений коми поэта, которым характерна многосубъектность.

В крестьянском цикле И.А. Куратова присутствуют стихотворения, в которых некоторая часть текста организована точкой зрения ролевого героя, другая часть – автором-повествователем / собственно автором, голос которого введен для объективизации изображаемой ситуации. Так, произведение «Микул» (1862), написанное по мотивам народной сказки, является смешанной формой, т.е. повествование идет от лица автора-повествователя и героя «ролевой» лирики. Куратовский текст является вариантом широко распространенного сказочного сюжета – «мечты о счастье» или «разрушенные мечтания»: герои мечтают и спорят о будущих доходах и богатстве, но тот предмет, который должен якобы принести им богатство / счастье (заяц, кувшин с молоком, кадка с медом, щи, кисель) исчезает (герой пугает зайца, опрокидывает, разбивает кувшин, кадку, проливает щи). Микул так же, как и сказочный герой, надеется на чудо, что когда-нибудь счастье прольется над ним, как дождик. И. Куратов сохраняет не только сюжетную основу народной сказки, но и ее субъектную форму: обрамляющая часть текста принадлежит автору-повествователю, но в центре внимания – слово самого героя. В то же время литературный текст гораздо богаче и сложнее. Если в народной сказке автор-повествователь лишь вводит читателя в курс дела, а затем оставляет героя наедине с самим собой, то поведение куратовского автора-повествователя принципиально другое. С первой фразы он сам активно присутствует в изображаемом мире, акцентируя внимание на себе, словно бы создавая и собственный образ – образ рассказывающего сказку сказочника, который и сам является частью народа. Следовательно, в авторе-повествователе стихотворения «Микул» мы видим обобщенного субъекта, посредством точки зрения которого выражается не столько авторская ирония, сколько народная самооценка и самоирония.

Противоположный тип автора-повествователя – субъекта, обладающего личностной точкой зрения, – наблюдаем в стихотворениях «*Кулӧм том мортлӧн*» (Смерть юноши, 1867) и «*Пӧрысь олӧм*» (Жизнь старика, 1870). На время рассказа о наблюдаемом событии он персонифицируется, выполняя функцию находящегося в событийном пространстве лица. Это может быть прохожий («Жизнь старика») или «карысь усьӧм» – «с

города упавший» («Смерть юноши») – одним словом посторонний, мимо проходящий. В то же время он обладает качеством всеведущего автора-повествователя, которому известно все, что случилось или может случиться с героями, и его собственное сознание включает и сознание всех участников изображенной жизненной коллизии. В таких произведениях одни фрагменты текста написаны от имени одного лица (героя или автора), другие – могут выражать одновременно сознание разных субъектов. В этом случае следует говорить не о соседстве разных сознаний в пределах одного текста, что также является многосубъектностью, но о субъектной полифонии, которую М.М. Бахтин определяет как «множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний»⁴⁹.

Стихотворение «Жизнь старика» начинается с рассказа об одиноком старом человеке. Переживание одиночества старика передается не только через сюжет, но и полисубъектность стихотворения, которое образуется не столько за счет слов автора-повествователя и героя, сколько внутри прямой речи старика. Старик пережил всех своих сверстников и близких, и ему не с кем поддерживать отношения. Последний раз он разговаривал почти двадцать лет назад с архиереем, чтобы тот позволил ему жениться на такой же одинокой, как он сам, старухе. Архиерей отказал ему, и с тех пор герой погружен в вынужденное молчание. Монолог старика – это желаемый им, но уже не возможный на самом деле диалог с участниками давно прошедших событий. Единственную связь старика с реальным миром составляют его воспоминания о прошлом, поэтому монологическая речь героя становится многоголосой: его голос все время перебивается голосами персонажей, «вмещенных» в его сознание. Такое субъектное строение текста подчеркивает глубокое одиночество героя.

Сюжетным центром стихотворения «Смерть юноши» является сцена отпевания юноши в церкви. Композиционно текст делится на три части. В первых двух частях происходящее событие представлено в свете восприятия юноши и его матери, дано сквозь призму их сознаний, в последней части оно показано «извне», со стороны. Таким образом, авторское сознание выражается не через позицию одного субъекта, а через совокупность субъектных позиций, их взаимодействие. Каждая часть стихотворения раскрывает отдельную тему, имеющую субъектную прикрепленность: первая часть представляет собой лирический монолог молодого человека, размышляющего о быстротечности жизни; вторая часть – это рассказ матери об умершем сыне, ее горькие мысли о том, что ждет ее семью в будущем; и третья часть принадлежит повествующему, который видит и слышит то, что не дано видеть непосредственным участникам драмы (за стенами церкви царят

⁴⁹ Бахтин, М. М. Проблемы творчества Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979. С. 5.

весенние краски; все омыто дождем, сулящим обновление жизни). Согласимся с мнением П.Ф. Лимерова о том, что сюжет стихотворения шире сцены похорон, а повествователь приобретает черты некоего мыслителя о вечности жизни: «как трагично бы не воспринималась смерть человека, она включена в жизненные циклы Природы и является неперменным условием Жизни вечной»⁵⁰.

В ходе работы нами было установлено, что полисубъектность характерна в основном «крестьянскому» циклу произведений И. Куратова. Как и в стихотворениях, субъектным центром которых является ролевой герой или автор-повествователь, полисубъектность лирики И. Куратова связана с задачами воплощения образа народа как множества разных личностей, но, прежде всего, образа автора. Последний выступает в качестве лица, который в разных ситуациях сохраняет связь с народом, но обладает другой, значительно большей компетенцией и наделен способностью стороннего взгляда на народ и оценки его мировидения.

В **Заключении** обобщаются результаты диссертационного исследования, формулируются выводы и перспективы дальнейшей работы.

При сопоставлении стихотворений, принадлежащих И.А. Куратову и коми поэтам – его немногочисленным предшественникам, обнаруживается новаторство первого в области субъектного строя коми лирики. В своих поэтических опытах П.Ф. Ключков, В.А. Куратов, Г.С. Лыткин концентрируют внимание преимущественно на тех сферах жизни человека, которые варьируются в народно-песенной и религиозной традиции, и опираются на разработанные в отечественной словесности жанровые формы с характерной для них односубъектностью. Лирика И.А. Куратова, ориентированная на освоившую к тому времени полисубъектные формы реалистическую русскую и мировую поэзию, многосубъектна. Она содержит разные способы выражения авторского сознания: лирический герой, собственно автор, автор-повествователь, герой ролевой лирики.

Освоение И. Куратовым разнообразных субъектных форм связано с расширением проблемно-тематического содержания и персонажного состава коми словесности. Распространенная в творчестве первых коми поэтов тема любви деревенских парня и девушки занимает заметное место в стихотворениях И. Куратова, но не является главной. Вместе с ней получают развитие такие темы, как «место и предназначение поэта», «судьба родного языка», «жизнь и смерть», «крестьянский мир и его нравственные ценности». Анализ поэтического материала позволил выявить безусловную связь выбора форм

⁵⁰ Лимеров, П. Ф. И. А. Куратов : лейтмотивы творчества / П. Ф. Лимеров. – Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 2001. – С. 23.

выражения авторского сознания с содержательно-семантическим аспектом произведений. Так, стихотворения с выраженным философским началом организованы такой формой авторского сознания, как собственно автор, который имеет грамматически выраженное лицо, но при этом не является объектом для себя, значение имеет лишь его мировоззренческая позиция. Тексты, определяющим моментом которых является биография и личная судьба, сформированы лирическим героем, представленным в стихотворениях человеком, размышляющим о предназначении поэта и поэзии в обществе и осмысливающим вопрос – каковы судьба родного языка и будущее коми поэзии.

Тематический цикл, в центр которого выведен крестьянин и через него – традиции коми народа, имеет субъектом высказывания ролевого героя и автора-повествователя. Выбор субъектных форм, более характерных для эпического искусства слова, объясняется широтой авторской задачи – создать социальный, психологический и этнически обусловленный тип героя. Ролевая форма высказывания используется поэтом в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть, что сам народ уже выработал свой «голос», и поэтому сам в состоянии о себе рассказать. В стихотворениях важнейшее значение имеет личность героя, его характер и жизненные ценности. В произведениях, организованных словом повествователя, поэт ставит иную задачу – создать портрет сельского коллектива, в котором каждый имеет место не только как индивидуальная личность, но и как гарант существования традиции. Поэтому речевым субъектом является не отдельный человек, а автор-повествователь, который видит, наблюдает и осознает больше, чем герой. Поэт в произведениях выступает в качестве лица, который в разных ситуациях сохраняет связь с народом, но обладает значительно большей компетенцией, он наделен способностью стороннего взгляда и оценки мировидения народа.

Перспективы изучения поэтики И. Куратова в аспекте субъектного строя, с нашей точки зрения, связаны с задачей исследования уровня развития коми художественного слова, его специфики в период начального освоения поэтических форм и жанров. Рассмотренные нами ключевые произведения поэта, объединенные крестьянской тематикой, обнаруживают включенность коми поэта в общее движение отечественной поэзии по обновлению геройного состава, которое повлекло за собой значительное расширение субъектных форм. В то же время исследование субъектного строя позволило уточнить оригинальные черты И. Куратова – коми поэта, его представления о родном народе, собственную этнокультурную самоидентификацию и способы ее выражения в поэтическом тексте. Результаты исследования актуальны в плане сравнительного исследования творчества поэтов, за которыми закрепились репутация основоположников

национальных литератур, что позволит выявить специфические и общие черты становления литературной поэтической традиции у разных народов.

Основные положения диссертации полно отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ:

1. Сурнина Л.Е. Поэтическое содержание стихотворения И.А. Куратова «Гӧль зон» (Парень-бедняк) в ракурсе субъектного анализа // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. № 22 (203). Вып. 46. 2010. С. 120–124. (0,4 п. л.)
2. Сурнина Л.Е. Особенности изображения народного характера в творчестве И.А. Куратова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. № 20 (235). 2011. Вып. 56. С. 140–144. (0,4 п. л.)
3. Сурнина Л.Е. Образ народа в стихотворении И.А. Куратова «Закар ордын» (У Захара) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6 (17). 2012. С. 171–175. (0, 4 п. л.)
4. Сурнина Л.Е. Образ героя и образность в стихотворении И.А.Куратова «Тима, дерт нин, пӧрьсь» (Тима, конечно же, стар) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 2 (20). 2013. С. 187–190. (0, 4 п. л.)
5. Сурнина Л.Е. Куратов И.А. и его поэтическое наследие // European Social Science journal (Европейский журнал социальных наук). 2 (41) Т. 2. 2014. С. 185–190. (0,4 п. л.)
6. Сурнина Л.Е. К вопросу о способах выражения авторского сознания в лирике И.А.Куратова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7–2 (49). 2015. С. 164–167. (0,3 п. л.)
7. Сурнина Л.Е. Поэтика И.А. Куратова: к вопросу полисубъектности лирики поэта // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 7 (184). С. 140–143. (0,4 п. л.)
8. Сурнина Л.Е. И словно с города «упавший»: «я» в стихотворении И. Куратова «Смерть юноши» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 10. Ч. 2. С. 264–268. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-2.9> (0,5 п. л.)

Статьи в научных сборниках:

1. Сурнина Л.Е. И. Куратов «Коми кыв» кывбурын серпасалан ногъяс (Художественные средства в стихотворении И. Куратова «Коми язык») // Коми

- художества гижӧдын серпасалан ногъяс (Художественные средства в литературном произведении): Литературный задачник. Сыктывкар, 2006. С. 33-35 (0, 3 п.л.)
2. Сурнина Л.Е. И.А. Куратов кывбурьясын пӧрысь морт образ лӧсьӧдигӧн серпасалан ногъяс (Художественные средства в создании образов стариков в стихотворениях И. А. Куратова) // Коми кыв да литература велӧдысьлы. Сборник статей по методике преподавания коми языка и литературы. Сыктывкар, 2006. С. 54-61 (0, 3 п.л.)
 3. Сурнина Л.Е. О стихотворении И.Куратова «Грездса ныв карса баринлы» (Деревенская девушка городскому барину) // Вопросы коми филологии: Сб.научных трудов. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2011. 119 с. С. 78-82 (0, 4 п.л.)
 4. Сурнина Л.Е. Субъектный строй «крестьянского» цикла стихотворений И. А. Куратова // Филологические исследования на рубеже XX–XXI веков: традиции, новации, итоги, перспективы. Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции (19-21 октября 2011 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2012. С. 208-212 (0, 4 п.л.)
 5. Сурнина Л.Е. И. А. Куратов о назначении поэта и поэзии // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. № 6 (72). Июнь 2012 г. С. 98-102 (0, 4 п.л.)
 6. Сурнина Л.Е. Аспекты народного характера в стихотворениях И. А. Куратова «Гӧльзон» (Парень-бедняк) и «Грездса ныв карса баринлы» (Деревенская девушка городскому барину) // Финно-угроведение. № 2. 2012. С. 59-68 (0, 7 п.л.)
 7. Сурнина Л.Е. Стихотворение И. А. Куратова «Муса ныланӧй, мича аканьӧй» (Милая девушка, красивая куколка): к проблеме национального характера // Известия Общества изучения Коми края: сборник статей. Вып. 12. Сыктывкар, 2012. С. 183-190 (0, 4 п.л.)
 8. Сурнина Л.Е. Тема молодости в стихотворениях И.А.Куратова // Финно-угроведение. № 1. 2013. С. 59-70 (0, 8 п.л.)
 9. Сурнина Л.Е. Поэтическое наследие И.А.Куратова в текстологической редакции А.С. Сидорова // Научное наследие Алексея Семеновича Сидорова и современное гуманитарное знание. Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения А.С.Сидорова (26-27 октября 2012 г., г. Сыктывкар). Сыктывкар, 2013. С. 52-57 (0, 3 п.л.)
 10. Сурнина Л.Е. Лирика И.А. Куратова: о некоторых аспектах поэтики // Альманах современной науки и образования. № 11 (78). 2013. С. 175-178 (0, 4 п.л.)
 11. Сурнина Л.Е. Куратоведческие работы Е.С. Гуляева в фондах архива Коми НЦ УрО РАН // Вопросы пермской диалектологии и полевые исследования: традиции и

- перспективы: Сборник научных статей международной научной конференции. Сыктывкар, 2013. С. 217-221 (0, 3 п.л.)
12. Сурнина Л.Е. Произведения Ивана Куратова для детей // А медся гажа чужан муыд, А медся мыла чужан кыв (Милее всего земля родная, Мелодичнее всего родной язык): сборник статей по итогам работы республиканской творческой лаборатории. Сыктывкар, 2014. С. 15-22 (0, 4)
 13. Сурнина Л.Е. Стихотворение И.А. Куратова «Пöч» (Старуха) // Вопросы финно-угорской филологии: межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 2014. С. 137–141 (0, 4 п.л.)
 14. Сурнина Л.Е. Стихотворения И.А. Куратова с повествовательной формой высказывания // Сборник статей по итогам симпозиума, работавшего в рамках II Всероссийской научной конференции «Филологические исследования – 2014» (Сыктывкар, 14–17 октября 2014 г.). Сыктывкар, 2014. С. 49–55 (0, 4 п.л.)
 15. Вишнякова Д.В., **Сурнина Л.Е.** Исторический контекст творчества И.А. Куратова: семья и брак в Коми крае в XIX в. // Сборник статей по итогам симпозиума, работавшего в рамках II Всероссийской научной конференции «Филологические исследования – 2014» (Сыктывкар, 14–17 октября 2014 г.). Сыктывкар, 2014. С. 127–133 (0, 2 п.л.)
 16. Сурнина Л.Е. Поэтическое многоголосие в лирике И.А. Куратова // STUDIA JUVENALIA (SJ). Сборник статей молодых ученых Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2015. С. 112–120 (0, 5 п.л.)
 17. Сурнина Л.Е. Художественные особенности лирики И.А. Куратова // Альманах современной науки и образования. 2016. № 3 (105). С. 123–125 (0, 3 п.л.)
 18. Сурнина Л.Е. «Личный» повествователь в лирике И. Куратова // Вопросы финно-угорской филологии [Электронный ресурс]: межвуз.сб.науч.трудов. Вып. 7 (12): текстовое научное электронное издание на компакт-диске. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. С. 148–153 (0, 3 п.л.)
 19. Сурнина Л.Е. Жизнь замечательных людей: Н.В. Вулих // Известия Общества изучения Коми края. 2017. № 16. С. 149–154 (0, 3 п.л.)
 20. Сурнина Л.Е. Жанровые особенности стихотворения И. Куратова «Микул» // Филологические исследования – 2017. Фольклор, литературы и языки народов Европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия. Сборник

статей по итогам Всероссийской научной конференции. Сыктывкар, 2017. С. 288–292 (0, 4 п.л.)

21. Сурнина Л.Е. И.А. Куратов кывбуръясын серпасалан ногъяслӧн тӧдчанлун [Роль художественных средств в стихотворениях И. Куратова] // Вестник Сыктывкарского университета. Серия Гуманитарных наук. Коми филология. Этнокультурное образование. Вып. 7. 2018. С. 82–91 (0, 5 п.л.)

Публикации в материалах научных мероприятий:

1. Сурнина Л.Е. Из истории куратоведения: куратовские чтения // Материалы докладов I Всероссийской конференции «Молодежь и наука на севере» (в 3-х томах). Т. II. (Сыктывкар, Республика Коми, 14-18 апреля, 2008 г.). Сыктывкар, 2008. С. 113–115. (0,2 п. л.)
2. Сурнина Л.Е. О первых изданиях сочинений И.А. Куратова // Духовное наследие народов Республики Коми: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов, музеев: к 20-летию отдела редкой книги научной библиотеки Сыктывкарского госуниверситета» (Сыктывкар, Республика Коми, 15-16 мая, 2008г.). Сыктывкар, 2009. С. 253-257. (0,3 п. л.)
3. Сурнина Л.Е. Ролевой герой в стихотворении И.А. Куратова «Пӧрысь морт» (Старик) // Творчество И.А. Куратова и развитие литератур финно-угорских народов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Сыктывкар, 3-5 июля 2009 г.). Сыктывкар, 2009. С. 136-143. (0,4 п. л.)
4. Сурнина Л.Е. Из истории куратоведения: куратоведческие работы Е.С. Гуляева // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на европейском севере: материалы IX всероссийской (с международным участием) науч.-теорет. конф. (16 апреля 2010 г., Сыктывкар): в 3 ч. – Сыктывкар: КРАГСИУ, 2010. – Ч. 2. – С. 190-194. (0,3 п. л.)
5. Сурнина Л.Е. Илля Вась – исследователь творчества Пантелей Петрӧ Олыӧш Ивана // В.И. Лыткин: грани наследия: материалы международной научной конференции (Сыктывкар, 25-26 ноября, 2010). Сыктывкар, 2010. С135-138. (0,3 п. л.)
6. Сурнина Л.Е. История исследования творчества И.А. Куратова // Культурное наследие и глобализация. Опыт, проблемы, перспективы сохранения культурных ценностей в современном мире. Материалы международной науч.-практ. конф. (Сыктывкар, 21-23 сентября, 2011 г.). Сыктывкар, 2011. С. 184-186. (Музеи и краеведение. Труды Национального музея Республики Коми. Вып. 8). (0,3 п. л.)

7. Сурнина Л.Е. Черты национального характера коми крестьянина в стихотворениях И.А. Куратова // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на европейском Севере. Материалы X всероссийской (с международным участием) науч.-теорет. конф. (Сыктывкар, 22 апреля, 2011 г.). В 3 ч. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2011. Ч. 1. С. 212-217. (0,3 п. л.)
8. Сурнина Л.Е. Тема крестьянской жизни в произведениях И.А.Куратова // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы XI Всероссийской научно-теоретической конференции (с международным участием) (25-26 октября 2012 г., Сыктывкар): в 4 ч. Сыктывкар, 2012. С. 211-216. (0, 3 п. л.)
9. Сурнина Л.Е. В.И. Лыткин – куратовед // XXII годовичная сессия Ученого совета СыктГУ имени Питирима Сорокина (Февральские чтения): сборник материалов: [электронный ресурс]: сборник материалов. Сыктывкар, 2015. С. 242–245. (0, 3 п. л.)
10. Сурнина Л.Е. Опыт анализа стихотворения И. Куратова «Пёрысь морт» // Двадцать третья годовичная сессия Ученого совета СыктГУ им. Питирим Сорокина (Февральские чтения): сб. материалов [Электронный ресурс]: текстовое научное электронное издание на компакт-диске. Сыктывкар, 2016. С. 988–992.(0, 3 п. л.)
11. Сурнина Л.Е. Субъектный строй произведения И.А. Куратова «Микул» // Двадцать четвертая годовичная сессия Ученого совета СыктГУ им. Питирим Сорокина (Февральские чтения): сб. материалов [Электронный ресурс]: текстовое научное электронное издание на компакт-диске. Сыктывкар, 2017. С. 312–316. (0, 3 п. л.)
12. Сурнина Л.Е. Поэтические произведения И. Куратова в ракурсе их субъектного анализа // Литературное наследие региона: сохранение, интеграция в цифровую среду, перспективы чтения: материалы международной научно-практической конференции (Сыктывкар, 30 окт.–1 нояб. 2017 г.). Сыктывкар, 2017. С. 173–177. (0,3 п. л.)

Другие публикации:

1. Сурнина Л.Е. Творчество И.А. Куратова // Иван Алексеевич Куратов – поэт, лингвист, просветитель. Биобиблиографический указатель. Статьи. Стихотворения И.А. Куратова. Сыктывкар, 2014. С. 297-315. (1 п.л.)
2. Сурнина Л.Е. Из истории куратоведения // Иван Алексеевич Куратов – поэт, лингвист, просветитель. Биобиблиографический указатель. Статьи. Стихотворения И.А. Куратова. Сыктывкар, 2014. С. 372-377. (0,2 п. л.)

3. Сурнина Л.Е. Куратов Иван Алексеевич // Писатели Коми. Библиографический словарь. Т. 1. Сыктывкар, 2017. С. 481–496. (0, 8 п. л.)

Монографии:

1. Лимеров П.Ф., Лимерова В.А., **Сурнина Л.Е.** И.А. Куратов: новые подходы к изучению творчества // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: коллективная монография. Екатеринбург – Ижевск – Сыктывкар, 2014. С. 306–339. (0, 4 п. л.)
2. Лимеров П.Ф., Лимерова В.А., **Сурнина Л.Е.** И.А. Куратов: новые подходы к изучению творчества // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: коллективная монография [Электронный ресурс]. 2-е изд., доп. Екатеринбург, 2016. С. 366–399. URL: <http://hdl.handle.net/10995/41271> (0, 4 п. л.)